

Rudolf Kesyan

Гонка судьбы

Rudolf Kesyan

Гонка судьбы

«Автор»

2026

Kesyan R.

Гонка судьбы / R. Kesyan — «Автор», 2026

Два мира, одна страсть. Он – уличный гонщик с тёмным прошлым. Она – богатая наследница в золотой клетке. Их любовь взорвёт все барьеры, но проверка на прочность только начинается. Смогут ли они пройти через предательство и боль, чтобы обрести настоящее счастье?

© Kesyan R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Rudolf Kesyan

Гонка судьбы

Глава

ГОНКА СУДЬБЫ

Любовный роман | Драма | Спортивная драма

Автор: KRS

2025

Аннотация к книге

Два мира, одна страсть.

Он – уличный гонщик с тёмным прошлым.

Она – богатая наследница в золотой клетке.

**Их любовь взорвёт все барьеры,
но проверка на прочность только начинается.**

**Смогут ли они пройти через предательство и боль,
чтобы обрести настоящее счастье?**

Пролог

Глазами, привыкшими к полумраку, Виктор сразу выделил её в толпе. Не потому что она была ярко одета — нет, тёмная куртка, простые джинсы. И не потому что вела себя вызывающе — она стояла чуть в стороне, почти по-детски прижавшись к стене старого склада.

-Очередная богатая девочка, ищет острых ощущений, — с внутренним раздражением подумал он, откручивая датчик давления.

В двадцать восемь лет Виктор уже прошёл через всё: подпольные гонки, предательства, крах первой мастерской. Его тюнинг-ателье «Вихрь» теперь было успешным бизнесом, а не гаражом для подпольных сборок. Но за внешним успехом скрывалась привычная пустота — та самая, что осталась с тех пор, как в восемь лет он потерял родителей.

-Наглядится на «дикарей» и уйдёт назад, в свой позолоченный мир, — мысленно фыркнул он, проверяя протектор шин.

Но когда он поднял взгляд, их глаза встретились. И что-то щёлкнуло. В её взгляде не было праздного любопытства. Было... понимание. Глубокая, недетская грусть, которую он узнавал в зеркале каждое утро.

-Стоп. Тебе двадцать восемь, а не восемнадцать. Хватит вестись на красивые глаза, — одёрнул себя Виктор.

Он отвернулся, сделав вид, что проверяет подвеску. Но образ девушки с глазами цвета грозового неба уже засел в сознании. Что могло заставить такую женщину — явно из другого мира — смотреть на него с таким смешанным чувством тоски и надежды?

-Наверное, очередной кризис среднего возраста у богатых наследниц, — попытался он цинично объяснить себе этот внезапный интерес.

Но когда он украдкой снова посмотрел в её сторону, он увидел, как она обнимает себя за плечи — жест одинокого человека, который пытается согреться. И в этот момент двадцативосьмилетний владелец успешного бизнеса, привыкший ко всему, почувствовал необъяснимое желание... подойти. Спросить. Услышать.

-Бред. Утром она уже и не вспомнит о твоём существовании, — мысленно бросил он сам себе, садясь в машину.

Но уезжая с трассы, Виктор впервые за многие годы смотрел не на дорогу перед собой, а в зеркало заднего вида, пока силуэт незнакомки не растворился в ночи. Он ещё не знал, что эта женщина перевернёт его жизнь — заставит снова чувствовать, сражаться, жить. Что её улыбка станет дороже любого контракта, а её слёзы — страшнее любого провала.

Но в ту ночь, возвращаясь в свой идеально организованный, но такой пустой дом, он впервые за долгое время думал не о бизнесе, не о новых проектах, а о паре грустных глаз, в которых он увидел отражение собственной души.

Глава 1

Ледяной осенний дождь сек по лобовому стеклу, превращая огни города в размытые пятна. Виктор ловким движением выключил дворники — они только мешали. Он видел трассу на ощупь, кожей чувствуя каждую неровность асфальта под колёсами его модифицированного «Nissan GTR». Рев мотора был не просто звуком — это был рёв его собственного сердца, вырвавшийся наружу и оглушающий ночную тишину промзоны.

Рядом, вровень с ним, рычал тёмно-синий «BMW M5 F10». Виктор видел в зеркале заднего вида искажённое напряжением лицо соперника. Они летели к финишной черте, отмеченной горящими фарами десятков припаркованных машин. Толпа замерла. Его мир сузился до полосы асфальта, отблесков света на мокром дорожном полотне и стрелки тахометра, ползущей к красной зоне.

«Легче. Всего на миллиметр. Сейчас он сорвётся», — холодная, отстранённая мысль пронеслась в его голове. Он не был здесь Виктором, владельцем ателье, внуком, другом. Он был функцией, машиной для победы.

Поворот. Сброс газа. Резкий бросок руля, контролируемый занос. «BMW» дрогнул, его заднюю ось повело. Всего на долю секунды, но этого хватило. Виктор вышел из поворота первым, вдавил педаль в пол и рванул к финишу. Рёв толпы, слившийся с рёвом мотора, оглушил его. Он победил. Снова.

Машина остановилась. Он сидел, не двигаясь, сжимая руль так, что кости белели под кожей. Адреналин отступал, как вода после шторма, оставляя после себя лишь выжженную, безжизненную пустыню. Такая пустота была ему знакома лучше, чем любая другая эмоция.

Стук в стекло заставил его вздрогнуть. Рома, его друг и правая рука, стоял снаружи, под проливным дождём, держа в руках две банки энергетика. Его лицо, обычно озаряемое улыбкой, сейчас было серьёзным.

— Опять в себя ушёл? — голос Ромы прозвучал приглушённо сквозь стекло.

Виктор вышел из машины. Холодный дождь тут же промочил его волосы и куртку, но он не обратил на это внимания. Он взял банку, щёлкнул кольцом, но не сделал ни глотка.

— Деньги заберёшь? — его собственный голос прозвучал хрипло и отчуждённо.

– Уже всё улажено, – Рома отпил из своей банки, изучающе глядя на Виктора. – Эй, Витя. С тобой всё в порядке? Ты выглядишь... опустошённым.

– Я всегда в порядке, – это была его стандартная, отработанная до автоматизма фраза. Он отвернулся, его взгляд скользнул по ликующим, незнакомым лицам. Они праздновали его победу, но он чувствовал себя среди них абсолютно одиноким. – Я поехал.

Не дожидаясь ответа, он сел в машину, резко развернулся и уехал, оставив за спиной шум, свет и людей. Ему нужно было остаться одному. Всегда. Это было единственное состояние, в котором он не чувствовал фальши.

Глава 2

Утро ворвалось в его сознание резким лучом солнца из незанавешенного окна спальни. Он не выспался. Сны снова были полны обрывков прошлого – крик шин, звон разбитого стекла, чувство всепоглощающего ужаса. Он встал, не глядя на себя в зеркало, и направился в гараж.

Ателье «Вихрь» уже гудело, как проснувшийся улей. Воздух был густым и тяжёлым, насыщенным запахом бензина, машинного масла, раскалённого металла и свежей краски. Этот коктейль был для Виктора роднее любого парфюма. Здесь он был королём. Здесь он всё контролировал.

Сегодняшним проектом был старенький «Nissan 240SX», который молодой парень в дизайнерских джинсах и дорогих кроссовках мечтал превратить в дрифтового монстра.

– Слушай, я не могу ждать вечность, – клиент, представившийся Марком, нервно похаживал рядом с машиной. – У меня через месяц соревнования.

Виктор, не отрываясь от осмотра подвески, ответил глухим, лишённым эмоций голосом: – Качество требует времени. Или ты хочешь, чтобы у тебя на первом же повороте отвалилось колесо?

– Я плачу хорошие деньги! – голос Марка взвизгнул от возмущения. – Очень хорошие! Я ожидаю соответствующего отношения.

Это была последняя капля. Виктор медленно выпрямился во весь свой рост и повернулся к парню. Его глаза, тёмные и холодные, как ночное небо, уставились на Марка с такой ледяной яростью, что тот невольно отступил на шаг.

– Деньги, – тихо, но чётко произнёс Виктор, – не заменят терпения. И понимания процесса. Ты либо ждёшь столько, сколько потребуется, либо забираешь свой хлам и проваливаешься. Решай. Сейчас.

Он не повышал голос, но в его тишине была такая угроза, что Марк побледнел, пробормотал что-то невнятное про «ну ладно, я подожду» и поспешно ретировался к выходу.

Рома, наблюдавший за сценой со своего рабочего места, тяжело вздохнул и подошёл к Виктору.

– Вить, ну нельзя же так с людьми. Клиенты – это кровь бизнеса. Рано или поздно ты всех их распускаешь.

Виктор отвернулся и уставился на каркас своего гоночного «Nissan GTR». Эта машина была его настоящим детищем, его исповедью, вылитой в металл.

– С нами тоже нельзя, Ром, – его голос снова стал глухим. – Со мной и моими родителями тоже поступили «нельзя». А они просто ехали с гонок. Никому нет до этого дела.

С этими словами он взял с верстака гаечный ключ и ушёл в самую глубь гаража, туда, где его ждал единственный диалог, который он понимал – диалог с бездушным металлом. Здесь, среди деталей и схем, он был дома. Здесь не нужно было притворяться.

Глава 3

Вечером он, как всегда по средам, заехал к бабушке. Её квартира в старом, но ухоженном доме на окраине города была для него одновременно и убежищем, и местом пыток. Здесь пахло яблочными пирогами, воском для мебели и временем. Здесь всё напоминало о прошлом.

– Витенька, заходи, заходи, – бабушка, Анна Степановна, открыла дверь. Её лицо, испещрённое морщинами, озарилось тёплой, но грустной улыбкой. В её глазах всегда читалась неизбывная печаль. – Опять не ел целый день? На себя посмотри, худой, как щепка. Иди, садись, сейчас накормлю.

Он молча прошёл в гостиную, его взгляд невольно упал на большую семейную фотографию на комод. Счастливые лица родителей. Он, семилетний, с сияющими глазами, зажатый между ними. Он резко отвернулся.

– Работа, бабушка. Времени нет.

– Работа... – она поставила перед ним тарелку с дымящимся борщом и вздохнула. – Ты слишком много работаешь, внучек. Прямо как твой... – она запнулась, не в силах произнести слово «отец». – ...как все мужчины в нашей семье.

Виктор взял ложку, но лишь покрутил её в руках. Аппетита не было. Чувство вины, тяжёлое и липкое, сковывало его. Он был здесь, жив, а их не было.

– У меня всё хорошо, – сказал он, глядя в тарелку. – Не переживай за меня.

– Я всегда буду переживать, – она села напротив и накрыла его руку своей старческой, тёплой ладонью. – Ты мой мальчик. Мой последний мальчик.

Он не стал отстраняться. Это прикосновение было единственной лаской, которую он позволял в этой жизни. Оно одновременно согревало и обжигало. Он доел борщ, почти не чувствуя вкуса, помыл за собой тарелку и, пообещав приехать на выходных, ушёл. Он знал, что не приедет. Ему было невыносимо тяжело дышать этим воздухом, наполненным призраками. Эти стены видели его слёзы, его детские рыдания, и он не мог этого простить.

Тёплый летний вечер. Восемилетний Витя сидел на полу в гостиной, усыпанной деталями от нового конструктора «Формулы-1». Он строил гоночный трек. За окном пели птицы, с кухни доносился аромат жареной картошки – бабушка готовила ужин. Он ждал. Сегодня папа и мама должны были вернуться с автогонок на соседнем автодроме. Папа обещал. Обещал взять его с собой в следующий раз, когда Витя подрастёт ещё совсем чуть-чуть.

Он уже представлял, как сидит рядом с отцом, чувствует вибрацию мощного мотора, видит, как мелькают за окном отбойники. Он так гордился своим папой, самым быстрым гонщиком во всём городе.

Резкий, незнакомый звонок в дверь вырвал его из грёз. Не привычный перезвон, а один долгий, настойчивый, тревожный гудок. Сердце Вити почему-то ёкнуло. Он подбежал к двери и встал на цыпочки, глядя в глазок.

На площадке стояли двое незнакомых мужчин в тёмно-синей форме. Что-то холодное и тяжёлое сжалось у него внутри.

– Родителей нет дома, – робко сказал он через дверь, как учила мама.

– Мальчик, открой, пожалуйста. Мы из полиции, – произнёс один из них, и его голос звучал устало и безразлично.

Витя, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, повернул ключ. Дверь открылась. Суровые, незнакомые лица. Незнакомые, страшные слова: «авария», «не справился с управлением», «занос», «мгновенная смерть». Он слышал эти слова, но его мозг отказывался их складывать в осмысленные предложения. Где мама? Где папа? Почему эти чужие дяди говорят, что они не вернутся?

Потом была поездка на какой-то странной машине. Белое, холодное здание, пахнущее хлоркой и чем-то ещё, сладковатым и тошнотворным. Морг. Бабушка, которую кто-то привёз, рыдала, её тело сотрясали судороги. Её под руки подвели к двум металлическим столам.

И он увидел. Две неподвижные, бледные фигуры. Лицо отца, всегда такое живое, улыбающееся, сейчас было замкнутым и спокойным, как у спящего. Но он не спал. Мама... её красивые длинные волосы были растрёпаны. Он ждал, что она откроет глаза, улыбнётся и скажет: «Витя, это всего лишь шутка».

Но ничего не происходило.

– Они больше не проснутся, Витенька, – всхлипывала бабушка, обнимая его за плечи.
– Они ушли. Навсегда.

«Навсегда». Это слово прозвучало как приговор. Оно упало в тишину его маленького мира и разбило его на тысячи острых осколков, которые навсегда впились в его душу. Он остался один. Совсем один в этой огромной, внезапно ставшей чужой и пугающей, вселенной. И отчаяние, которое он почувствовал в тот миг, было таким всепоглощающим, что он не мог даже заплакать. Он просто онемел.

Глава 4

После обеда в гараже наступило короткое затишье. Виктор сидел на перевёрнутом ящике из-под инструментов, изучая чертежи новой системы впрыска, когда Рома, вытирая пот со лба, подошёл к нему с таинственным видом.

– Смотри, что я откопал, – он раскидал несколько старых коробок в дальнем углу гаража и с торжеством вытащил оттуда покрытый пылью и слегка заржавленный карбюратор. – DCOE 45. Почти как новый. Для проекта «Самурай» подойдёт идеально. Все жиклёры на месте.

Виктор взял деталь в руки. Он почувствовал под пальцами шероховатость металла, его вес. Уголки его губ едва заметно дрогнули. Это было самое близкое к улыбке, на что он был способен в последние годы.

– Неплохо, – кивнул он. – Где взял?

– У одного старого коллекционера за городом. Полдня уговаривал, чуть ли не на коленях стоял, – Рома вытер руки о замасленную тряпку. Его лицо снова стало серьёзным. – Слушай, Витя, насчёт этих «Стальных Акул». Они опять шныряют вокруг, задают вопросы. Разговорчики такие... Говорят, хотят встретиться лицом к лицу на Большом Кубке. Ставки – самые высокие за последние годы.

Виктор мрачно хмыкнул, не отрывая взгляда от карбюратора.

– Пусть попробуют. Мы готовы. Машина почти в идеальном состоянии.

– Я знаю, что машина готова. И команда готова. Я о другом, – Рома опустил голос. – Там ставки не только денежные. Ходят слухи, что Артём «Акула» не остановится ни перед чем, чтобы выиграть. Не нужно лишнего риска. Не нужно лезть на рожон.

Виктор медленно поднял на него глаза. В его взгляде читалась усталость и то самое, знакомое Роме, упрямство.

– Риск, – тихо произнёс он, – это всё, что у меня есть, Ром. Всё, что у меня когда-либо было. С самого того дня. Ты это знаешь.

Рома вздохнул. Он знал. Он знал лучше кого бы то ни было. Он был тем, кто подобрал Виктора в школе, когда над ним издевались за то, что он сирота. Он был тем, кто стоял рядом, когда Виктор получал наследство от матери и решал, что с ним делать. Он был братом, которого у Виктора никогда не было.

– Ладно, – просто сказал Рома. – Тогда делаем всё по уму. И смотрим в оба.

Новая угроза материализовалась ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. К воротам «Вихря», с шипением пневмоподвески, подкатил низкий, агрессивно затонированный «Форд Мустанг» последнего поколения. Из него, не спеша, вышел высокий, широкоплечий парень в косухе поверх чёрной футболки. Это был Артём, по кличке «Акула». За ним, как тени, вышли трое его «братков» – бритоголовые, с пустыми глазами.

– Виктор! – громко крикнул Артём, даже не пытаясь зайти внутрь. – Выходи! Поговорить надо.

Виктор, стоя у верстака, замер на секунду. Потом медленно, с преувеличенной неспешностью, отложил инструмент, взял чистую тряпку и, вытирая руки, вышел на улицу. Он остановился в паре метров от Артёма, его поза была расслабленной, но глаза, холодные и оценивающие, сканировали противника.

– Говори, – бросил он коротко.

– Большой Кубок. Через восемь месяцев. Старая индустриальная зона, – Артём говорил с нарочитой небрежностью, но его глаза были прищурены и внимательны. – Выкладывай свою лучшую тачку. И лучшего гонщика. Говорят, это ты.

– Слышал, – Виктор не моргнул глазом.

– Ставка – пятьсот тысяч. Наличными. И твоё ателье против нашего ангара на севере. Выигрываешь – забираешь всё. Проигрываешь... – Артём язвительно усмехнулся, – ну, тебе придётся искать новую работу. Если, конечно, с твоей тачкой что-то останется.

В воздухе повисла напряжённая тишина. Виктор видел, как напряглись его ребята в гараже. Он чувствовал на себе взгляд Ромы. Но внутри него было лишь холодное, ясное спокойствие.

– Договорились, – ровно произнёс Виктор. – Теперь проваливай. Мне ещё работать надо.

– Уверен в себе, – Артём покачал головой, делая вид, что восхищён. – Люблю таких. Наглых. Посмотрим, как ты будешь улыбаться после того, как я оставлю тебя в пыли на первом же повороте.

Он развернулся, плюнул на асфальт у самых ног Виктора и, не оборачиваясь, сел в свою машину. «Мустанг» с рёвом сорвался с места, оставив за собой запах жжёной резины.

Когда они уехали, Рома подошёл к Виктору. Его лицо было мрачным.

– Это ловушка, Витя. Чистой воды ловушка. Он не будет играть честно.

– Знаю, – коротко бросил Виктор, его взгляд был устремлён в точку, где скрылся «Мустанг». – Но у нас нет выбора. Если мы откажемся, мы проиграем ещё до старта. Мы потеряем лицо. А в нашем мире это дороже денег.

Поздней ночью, когда город затих, Виктор сел в свой «GTR» и поехал, не имея чёткого направления. Рулило подсознание, ведя его по знакомым, как больной зуб, улицам. Вскоре он оказался у заброшенных ворот старого городского автодрома.

Он заглушил двигатель. Тишина была оглушительной. Луна, холодная и одинокая, освещала потрескавшуюся трассу, разрушенные трибуны, поросшие бурьяном отбойники. Это место было памятником его боли.

Он вышел из машины и перелез через пролом в заборе. Его шаги гулко отдавались в ночной тишине. Он дошёл до главной трибуны и сел на холодный бетон, откуда когда-то, много лет назад, он с восторгом смотрел на гонки, держась за руку отца.

«Смотри, Витя, видишь, красная «Лада»? Это папин друг. А вот сейчас будут обгонять на вираже...»

Он закрыл глаза, пытаясь поймать эхо тех счастливых звуков – рев моторов, аплодисменты, смех. Но слышал лишь шелест ветра в сухой траве и отдалённый лай собак.

«Именно здесь всё закончилось», – пронеслось у него в голове. Именно на этой трассе его отец одержал свою последнюю победу. Они уехали с празднования, счастливые, окрылённые... и не доехали до дома.

Он поднял голову и смотрел на звёзды, холодные и безразличные. Чувство одиночества накрыло его с такой силой, что он сжал кулаки, пока не заболели костяшки. Он был здесь, на месте их триумфа, а их не было. И он знал, что будет возвращаться сюда снова и снова, чтобы снова и снова чувствовать эту боль. Потому что эта боль была последней нитью, связывающей его с ними. Если он перестанет чувствовать боль, он окончательно их забудет. А это было бы самым страшным предательством.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.